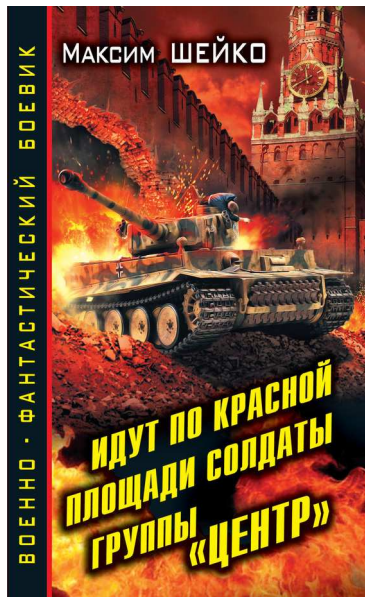

Максим Александрович Шейко
Идут по Красной площади солдаты
группы «Центр». Победа или смерть
Серия «Мир за гранью войны», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6369984

Шейко М. Идут по Красной площади солдаты группы «Центр». Победа или смерть: Яуза, Эксмо;

Москва; 2013

ISBN 978-5-699-61937-5

Аннотация

«Идут по Красной площади солдаты группы “Центр”» – родись Владимир Высоцкий в этой альтернативной реальности, ему бы пришлось переписать свою знаменитую песню именно так. В этом «перпендикулярном мире» Вермахт сломил сопротивление Красной Армии и осенью 1941 года взял Москву. Здесь Гитлер принимает победный парад у стен Кремля...

НОВЫЙ фантастический боевик от автора бестселлера «“Попаданец” в СС»! Великая Отечественная продолжается даже после падения столицы. Сможет ли СССР собраться с силами, чтобы нанести ответный удар? Удастся ли Сталину переломить ход войны? Готов ли советский народ стоять насмерть, не считаясь с потерями, и сражаться до победного конца – или большевикам придется подписывать новый Брестский мир?..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Максим Шейко

Идут по Красной площади солдаты группы «Центр». Победа или смерть

*Дрожат одряхлевшие кости
Земли перед боем святым,
Сомненья и робость отбросьте,
На приступ! И мы победим!¹*

Глава 1

Все только начинается

Холодным и хмурым ноябрьским вечером невысокий, невзрачный человек в неброском френче медленно прогуливался по длинному кабинету. Между стенкой и длинным столом для совещаний с придвинутыми к нему стульями. От одной обитой деревянными панелями стены до другой такой же, но снабженной еще и массивной дверью. И обратно. Ни привычно закрытого тяжелыми темно-зелеными шторами окна, ни шикарной дубовой двери с литыми бронзовыми ручками. Только толстый, покрывавший весь пол ковер и мягкие кавказские сапоги, как и раньше, скрадывают шум шагов.

За последние месяцы было много таких изменений. Сперва пришлось перебраться из Кремля в метро, потом и вовсе покинуть столицу. Теперь приходится жить и работать в подземном убежище под Куйбышевом, строительство которого начали сразу после сдачи Смоленска еще в самом начале войны и вели сверхударными темпами, чтобы иметь хорошо оборудованный командный центр на самый крайний случай. И вот этот «крайний случай» наступил. Так что теперь столица советского государства находится здесь. Надолго ли?

Конечно, сопротивление продолжится – у страны советов еще остались гигантские ресурсы. Правительство своевременно эвакуировано, на Урале, в Поволжье и Сибири на основе эвакуированных предприятий разворачивается мощное военное производство. В тылу формируются новые дивизии и армии – война будет продолжена и доведена до победного конца! Но, как же трудно смириться с потерей Москвы! Дело даже не в важнейшем железнодорожном узле страны, не в заводах, аэродромах и мостах. Нет. Москва всегда была символом, олицетворением, средоточием всей жизни огромной страны. С потерей столицы у Советского Союза буквально вырвали сердце. Как теперь, после всех потерь и поражений последних месяцев, объяснить народу еще и эту утрату?!

Москва не Минск, не Киев и даже не Ленинград. Их потеря была обидна, болезненна, тяжела, но людей поддерживала надежда: за нами Москва – враг будет разбит, победа будет за нами! «Говорит Москва» – с этого начинались все официальные правительственные сообщения, а что можно сказать в утешение людям теперь, какую надежду им дать? От чувства собственного бессилия в душе медленно поднималась холодная ярость. Нет! Он не сдастся! Первое полноценное (после переезда) совещание Ставки, которое начнется в этом самом кабинете полчаса спустя, должно стать переломным моментом в этой войне – решения, принятые сегодня, заложат фундамент будущих побед. Да, именно так и никак иначе. Если бесноватый немецкий выскочка думает, что, захватив Москву, смог сломить его, то он жестоко ошибается. Скоро враги поймут, почему глава первого в мире социалистического государства носит фамилию СТАЛИН. Человек в защитном френче прекратил свой неторопливый

поход по замкнутому маршруту и усмехнулся в свои знаменитые усы – впервые за долгое время.

В отличие от вождя остальные участники совещания уверенности ни в чем не испытывали, что было ясно написано на их лицах. Да и тон звучавших докладов не внушал оптимизма: из-за быстрого продвижения вражеских войск эвакуация промышленных предприятий, сельхозпродукции и готовых товаров прошла не в полном объеме; из-за потери ряда железнодорожных узлов задерживается прибытие на фронт свежих подкреплений; обеспечение воинских частей техникой, вооружением и боеприпасами упало до самой низкой отметки с начала войны, причем исправить сложившееся положение в ближайшее время не представляется возможным, так как производство военной продукции также находится на чрезвычайно низком уровне в связи с потерей или эвакуацией ряда ключевых военных заводов. Моральный дух армии из-за непрекращающихся поражений упал до критической отметки. В связи с потерей наиболее развитых сельскохозяйственных районов в следующем году неизбежен кризис в снабжении населения продовольствием... И так практически во всем! Сплошная череда проблем и неудач, трудностей и опасностей.

Сталин в очередной раз неторопливо прошелся вдоль зала и вдруг, резко развернувшись, прервал на полуслове очередного докладчика:

– Ви думаете, что у нас есть выбор? – Как всегда, в ответственные моменты акцент стал заметнее – верный признак волнения. – Думаете, что мы можем выбирать, сражаться дальше или нэт? Подумываете о новом брэстском мире? – После этих слов вождя в зале повисла напряженная тишина. Наркомы и генералы один за другим отводили глаза, боясь встретить колючий взгляд САМОГО. В установившейся тишине с треском сломался в чьих-то сведенных от напряжения руках карандаш. И этот, показавшийся невероятно громким звук словно освободил сжатую пружину – покров молчания лопнул, и присутствующие наперебой стали уверять в своей непоколебимой решимости продолжать войну до победного конца во что бы то ни стало. Сталин разочарованно покачал головой.

– Думаете. Думаете, что побэдить немцев нэльзя. Что проще откупиться – отдать Украину, отдать Прибалтику, отдать Бэларусию... Немцы тоже так думают! Имэнно на это они и рассчитывают. Вся их стратегия построена на авантюризме. Напасть внезапно, исподтишка, захватить, пограбить и запугать. А потом запуганный и ограбленный сам отдаст все оставшееся. Так было во Франции в прошлом году, так они поступают и тэпэр.

Но на этот раз фашисты просчитались – мы не испугались их нападения и готовы продолжить войну до полного разгрома врага и освобождения своей зэмли. А они уже нэ могут воевать. Немецкие войска остановлены на всэх фронтах! И они боятся продолжения войны. Поэтому они и хотят заключить мир. Нэдавно немцы через наших прэдставителей в Болгарии сами прэдложили нам начать мирные пэреговоры. Разве победители так поступают? Нэт! Это просто последняя попытка зарвавшэгося агрэссора запугать нас. – Произнося эту речь, Сталин лукавил. Инициатива в болгарских переговорах исходила как раз от советской стороны. Осторожный зондаж в этом направлении начался еще в начале октября, в самый разгар «Тайфуна». Немцы были, в общем, не против, однако выдвинутые ими требования повергли советскую сторону в ступор. Немецкие представители безапелляционно потребовали передать под контроль Германии всю территорию СССР, находящуюся западнее линии Архангельск – Астрахань. Вместе со всей находящейся там промышленностью и населением. И это не считая прочих требований! Выполнение этих условий означало фактическую ликвидацию Советского Союза. Мир такой ценой был хуже любой войны. Поэтому переговоры были практически сразу заморожены, а Сталин и Берия (по линии которого и велись предварительные консультации) не стали никого информировать о самом факте переговоров.

И вот теперь вождь решил с пользой использовать неудавшуюся попытку полуторамесячной давности – с худой овцы хоть шерсти клок. И ведь сработало! Еще недавно сидевшие

с похоронными физиономиями участники совещания оживают буквально на глазах. Все-таки надежда – великая вещь. Она дает силы даже тогда, когда силы взять уже негде. Теперь нужно только закрепить это настроение, а затем придут и настоящие успехи – не могут не прийти!

* * *

У руководства Третьего рейха в отличие от их советских коллег с успехами проблем не было – их было даже больше, чем ожидалось. Проблемы были с результатами.

К наступлению зимы вермахт смог, хоть и не без труда, захватить основные политические, экономические и коммуникационные центры Советского Союза. Красной армии было нанесено жесточайшее поражение. Потери советской стороны были просто астрономическими, исчисляясь миллионами солдат и десятками тысяч единиц техники. А результат всех этих усилий был нулевым. Ну, или почти нулевым.

Главная цель: вывести СССР из войны посредством одной летней кампании, обезопасить свой тыл, обеспечить экономику ресурсами и создать, таким образом, необходимые условия для длительного противостояния с англосаксонским блоком – достигнута так и не была. Война на востоке продолжалась, требуя все новых ресурсов. О переброске войск на запад и частичной демобилизации для укрепления промышленности не могло быть и речи. Напротив, ОКХ настойчиво требовало отправки на Восточный фронт новых резервов, маршевых пополнений, техники, боеприпасов...

Действующие на востоке армии были измотаны и обескровлены, превратившись в бледные тени тех первоклассных, полностью укомплектованных соединений, которые пятью месяцами раньше пересекли границы СССР, сметая все на своем пути. Срочно требовались обученные пополнения, чтобы вновь привести части в полностью боеспособное состояние. А вот пополнений как раз и не хватало. К тому же экономика уже начинала понемногу захлебываться, пытаясь одновременно удовлетворить растущие потребности армии и сохранить на довоенном уровне производство гражданских товаров. Начавшаяся интеграция европейской промышленности тоже добавляла немало головной боли, хотя и сулила в перспективе большие дивиденды. Но до будущих выгод еще надо было дожить, а проблем хватало уже сейчас.

И все же, несмотря на трудности, невиданные военные успехи пьянили. Казалось, победа уже близка. В октябре нервы у советского руководства наконец-то сдали, и через Болгарию было направлено давно ожидаемое предложение мира. Но вот условия... Сталин готов был отдать только то, что и так уже было им потеряно – западные союзные республики. А Гитлер хотел получить больше, гораздо больше... В результате переговоры сорвались, толком не начавшись. Немцы рассчитывали, что после взятия Москвы переговоры возобновятся, но... Время шло, проблемы затяжной войны проявлялись все отчетливее, а новых предложений о мире все не поступало.

Все это, вместе взятое, отнюдь не добавляло настроения фюреру германской нации. Весь последний месяц осени его настроение скакало от радостной эйфории до глубокой депрессии и обратно. К началу зимы Гитлер окончательно впал в уныние, стал нервным и раздражительным, злобно реагируя на любые попытки внести изменения в военную и экономическую политику страны в связи со сложившимися обстоятельствами и тем самым признать несостоятельность принятой им стратегии.

Припадки ярости фюрера сделались настолько частыми, что приближаться к нему без крайней надобности избегали даже ближайшие соратники, опасаясь навлечь на себя несправедный гнев. Тем больше было удивление дежурного адъютанта, когда глава РСХА Рейнхард Гейдрих в неслужебное время (!), неся под мышкой папку документов (!!), с абсолютно

невозмутимым видом (!!!) проследовал в личные апартаменты Гитлера в восточнопрусской ставке.

– В чем дело, Рейнхард? – Гитлер был раздражен, как всегда в последнее время, и даже не пытался это скрывать. В ответ Гейдрих молча протянул красивую кожаную папку, набитую бумагами.

– Что это?

– Ознакомьтесь, мой фюрер. Думаю, это сможет объяснить многие из последних событий. – Голос шефа РСХА, когда он произносил эту фразу, был предельно серьезен, как и все его поведение в целом. Каждый звук, каждая деталь одежды, поза, мимика – решительно все говорило о том, что случилось нечто чрезвычайно важное. То, что может разом решить все проблемы и дать ответы на все вопросы. Фюрера проняло. Не требуя больше дополнительных пояснений, он тут же раскрыл папку и углубился в чтение разнообразных документов, разложенных в строгом порядке.

По мере чтения лицо Гитлера стремительно менялось. Фюрер германской нации сперва побагровел, затем побледнел, его скулы свело судорогой, правое веко и щека стали подергиваться от нервного тика, пальцы, перелистывающие документы, нервно дрожали. Гейдрих, почтительно стоя в сторонке в ожидании вердикта, буквально наслаждался открывшимся зрелищем. При этом на его холеном аристократическом лице, словно маска, застыло выражение сосредоточенного внимания. Учитывая обстоятельства, это показное хладнокровие и невозмутимость смело можно было считать подлинным триумфом воли. Но душа... Душа обергруппенфюрера² ликовала. Ибо в эту самую минуту Гейдрих воочию наблюдал результат своих неустанных трудов. Его талант, его интриги, его замыслы – все это сейчас воплотится в волю фюрера, которая вознесет его на вершину могущества и низринет в ничто тех, кто осмелился противостоять ему. Впрочем, триумф еще только предстоит. Как и тяжелая работа по превращению результатов этого триумфа в нечто реальное и осязаемое. А пока... пока можно просто наслаждаться зрелищем – оно того стоит!

Зрелище и вправду вышло презанятным. Гитлер, не дочитав даже до середины, просто бегло пролистал оставшиеся документы, после чего резко швырнул папку на стол и вскочил со своего места. Выглядел при этом фюрер, словно безумный. Волосы были всклокочены, мертвенно-бледное лицо перекошено, руки тряслись, лихорадочно шаря вокруг в поисках непонятно чего. В ярко-голубых глазах Гитлера плескалось безумие, смешанное с яростью.

Гейдрих, с тщательно скрытым интересом следивший за поведением вождя, ожидал взрыва, но голос фюрера прозвучал на удивление спокойно и даже отстраненно:

– Откуда у вас эта информация, Рейнхард?

– Из разных источников, мой фюрер. В этой папке собран результат работы подконтрольных мне ведомств в течение длительного времени. Но наиболее интересные документы и свидетельства, позволившие расставить все по своим местам, были добыты совсем недавно – во время штурма Москвы.

– При штурме? – К букету излучаемых Гитлером чувств добавилось еще и удивление.

– Да, мой фюрер. В преддверии генерального наступления на большевистскую столицу по моему приказу было создано специальное подразделение – зондеркоманда «Солар» под командованием штурмбаннфюрера Науйокса.

– Я помню. Это тот самый, который руководил действиями наших агентов в Глейвице и Венло.

– Совершенно верно. Целью команды был захват советских политических деятелей, а также архивов ряда интересующих нас ведомств. Для этого бойцы и командиры отряда получили соответствующее оснащение и широчайшие полномочия. К сожалению, выпол-

² Обергруппенфюрер – звание в СС, соответствующее генералу в вермахте или генерал-полковнику в Советской армии.

нение первой части задания оказалось невозможным – все высшее руководство СССР покинуло столицу задолго до штурма. Зато со второй частью нам повезло: эвакуация проходила спешно и не вполне организовано – многие документы не смогли вывезти или уничтожить. В результате мы узнали много интересного. Здесь, в этой папке, лишь самое основное из того, что нам удалось получить благодаря «Солару».

Гитлер задумчиво кивнул, полностью уйдя в свои мысли. Ему было о чем подумать – содержимое папки ясно и недвусмысленно указывало на то, что Вильгельм Канарис, глава Абвера, снабжал британскую разведку секретной информацией и фактически являлся иностранным агентом! Это объясняло все! Все те провалы и неудачи, накладки и нестыковки, что преследовали германскую военную разведку в последнее время. Становились понятны также и политические трудности последних лет. Да что там говорить, «крот» такого ранга был настоящей катастрофой! Так что Гитлер, потрясенный столь внезапным осознанием всей глубины открывшейся проблемы, пребывал, что называется, в прострации.

Зато Рейнхард Тристан Ойген Гейдрих мог вполне законно гордиться собой. Мог и гордился! Задуманная и проведенная им интрига по праву могла считаться шедевром. Зондеркоманда «Солар» сработала весьма эффективно, так что свой рыцарский крест Альфред Науйоке получил по праву. А вот дальше... Дальше в дело вступили спецы из 4-го и 6-го управлений и, используя захваченную в Москве «добычу», создали нечто, находящееся теперь в красивой папке на столе Гитлера. И это «нечто» было смертным приговором для главы Абвера.

Как всегда, простая в теории вещь на практике превращалась в практически неразрешимую и смертельно опасную задачу. Но ему и созданной им машине РСХА удалось справиться со всеми практическими трудностями. Захваченные подлинные документы из различных советских ведомств были дополнены подделками, неотличимыми от оригиналов, разбавлены всевозможными разведывательными и аналитическими данными и скомпонованы определенным образом – ребята Шелленберга и Мюллера проделали колоссальную работу. При этом был творчески использован соответствующий опыт, полученный в далекие тридцатые, когда он (тогда еще глава СД³) аналогичным образом создал для советской разведки «дело Тухачевского». Сыграло ли то давнишнее дело какую-то роль в судьбе «красного Наполеона» или все было решено советскими вождями заранее и все старания СД были лишь ударом по крышке гроба? Кто знает, но прецедент был и соответствующий опыт остался. И этот опыт по созданию полностью фальшивого дела на основе полностью реальных документов весьма пригодился теперь, хотя на этот раз действовать пришлось тоньше. Вся прелесть «дела Канариса» заключалась в том, что все доказательства его «предательства» были косвенными и как бы из третьих рук, но в сумме формировали абсолютно однозначную и неоспоримую картину: глава армейской разведки поставлял информацию англичанам, а те, в свою очередь, кое-чем делились с СССР.

Конечно, риск был. Несмотря на всю красоту замысла, несмотря на филигранную точность исполнения. Риск в таких делах есть всегда! И немалый. Тем важнее было подать собранные материалы на суд фюрера в выгодном свете. И вот тут уж он – Рейнхард Тристан – не мог положиться ни на кого – такое надо делать лично.

Момент для нанесения *coup de grace*⁴ был выбран великолепно – фюрер буквально бесился от того неопределенного состояния, в котором оказалась Германия, и готов был сорвать свое раздражение на ком угодно. А если еще и удастся свалить на кого-то ответственность за неудачи...

Размышления Гейдриха были прерваны хриплым от волнения голосом Гитлера:

³ СД – партийная спецслужба НСДАП.

⁴ Удар милосердия, последний удар для добивания поверженного противника (*фр.*).

– Рейнхард, у вас уже есть план мероприятий по пресечению деятельности вражеской агентурной сети, возглавляемой Канарисом?

– Да, мой фюрер. Но для этого потребуется временное подчинение Абвера аппарату РСХА. К сожалению, использовать Канариса для поставок противнику дезинформации не удастся – мы просто не сможем создать двойной поток информации для лица с таким уровнем допуска. Придется просто ликвидировать всю созданную им вражескую шпионскую сеть.

– Действуйте, Рейнхард. Действуйте немедленно! Я подпишу все необходимые приказы, как только они будут готовы, но действовать нужно уже сейчас. Не останавливайтесь ни перед чем – эта язва должна быть выжжена каленым железом! – Последние слова Гитлер почти выкрикнул в лицо невозмутимо стоящему Гейдриху. Рейнхард Тристан лишь молча склонил голову, тщательно пряча торжествующую улыбку – дело сделано.

* * *

Важные дела в связи с продолжением войны возникали не только у сильных мира сего, Гансу тоже кое-что перепало.

Несмотря на пасмурную погоду, настроение у Нойнера в первый день зимы было бодрым. Ну а почему бы и нет, в самом-то деле? После осенних боев в донских степях «Тотенкопф» наконец-то вывели с передовой и перевели в резерв. Так что теперь части дивизии располагались в районе Старого Оскола, в нескольких десятках километров от линии фронта. Солдаты и офицеры получили долгожданную возможность отдохнуть, отоспаться, избавиться от вшей, отогреться в тепле и отмыться от многодневной грязи.

Оперативной паузой, возникшей после боев под Воронежем, командование дивизии воспользовалось для переформирования частей и приведения их в относительный порядок. В частности, боевая группа Бестманна вновь стала разведбатом. Остатки двух батальонов (мотоциклетного и разведывательного) свели в один, который теперь состоял из шести рот: 1-й бронеразведывательной (в которой было только три взвода бронемашин вместо четырех), 5-й минометной (в которой собрали все восьмисантиметровые минометы, как свои, так и трофейные), 6-й роты тяжелого оружия (где собрались три оставшиеся «колотушки», три легких пехотных орудия и четыре трофейные дивизионные пушки – Бестманн все же добился осуществления своей давней задумки). Всю пехоту собрали в трех мотоциклетных ротах, по которым распределили и оставшихся саперов. Огневая мощь у нового батальона получилась впечатляющей – впору потягаться с полком, а вот стрелковые роты довести до полного состава так и не удалось.

Впрочем, такое положение было везде – в пехотных полках «Тотенкопф» батальоны вообще переводились на трехротный состав, а мотоциклетные и саперные роты полков расформировывались, чтобы пополнить обескровленные пехотные подразделения. В армейских частях положение было еще хуже, так как в отличие от «толстых» дивизий ваффен СС у армейцев были куда более скудные внутренние резервы, а изредка прибывающие маршевые батальоны никак не могли покрыть убыль линейных подразделений.

Во время отдыха и вынужденного переформирования всем солдатам и офицерам дивизии наконец-то выдали новое зимнее обмундирование непривычного цементно-серого цвета: теплые штаны и куртки-анораки с капюшонами, а также утепленную зимнюю обувь. Теплое белье и носки выдали еще раньше. Так что теперь эсэсовцы с превосходством поглядывали на своих коллег из вермахта, кутающихся в тоненькие, неудобные шинели, а то и вовсе в разнокалиберные шмотки, конфискованные по случаю у пленных и мирных жителей – отдел вещевого снабжения сухопутных войск оказался явно не на высоте.

Снабжение в последнее время вообще стало большим вопросом. Более-менее регулярно покрывались только минимальные потребности в боеприпасах. Запчастей и продовольствия хронически не хватало. Тем не менее, несмотря на потери и хозяйственные трудности, моральный дух войск был высок. Солдат вдохновляли недавно одержанные победы и ожидание скорого мира – враг разбит, столица взята, скоро домой! На этом фоне тяготы фронтовых будней считались временными неудобствами, которые можно и перетерпеть. Тем более что со стабилизацией линии фронта появилась возможность обосноваться в прифронтовых населенных пунктах и как-то наладить армейский быт.

Словом, на душе у Ганса было спокойно. Поэтому вызов в штаб батальона он воспринял вполне нейтрально, не ожидая никаких неприятных неожиданностей. Натянув куртку и накинув на голову капюшон, оберштурмфюрер Нойнер покинул дом, в котором обосновался, и, перейдя через заснеженную улицу, направился к единственному административному зданию, расположенному в центре поселка, где вместе со штабом батальона и связистами окопался Бестманн.

Над входом в здание лениво колыхалось красное знамя со свастикой, символизируя собой приход новой власти. Другим колоритным символом нового порядка была статуя Ленина, стоящая на постаменте перед входом в бывший поселковый совет. Немцы не стали разрушать памятник, зато дополнили скульптурную композицию противогазной маской, которую натянули на голову вождю мирового пролетариата, и старым жестяным фонарем, повешенным на вытянутую вперед руку, видимо для лучшего освещения дороги в светлое будущее. При виде этой гротескной фигуры Ганс шутливо вскинул руку в приветствии и весело ухмыльнулся, когда Ленин в ответ дружелюбно махнул «хоботом» противогаза и качнул фонарем под налетевшим порывом ветра. Солдатская шалость немного подняла и без того неплохое настроение, и Нойнер, поприветствовав часовых и дежурного, резво взбежал по лестнице на второй этаж и ввалился в занятый комбатом кабинет.

– Привет, Вальтер. Чем порадуешь?

– Поручение для тебя есть – радуйся.

– Уже! А что за поручение-то?

– Поедешь в Харьков со сводной командой, заберете нашу технику из ремонта и пригоните сюда своим ходом.

– О как! Да уж, порадовал! Жаль, конечно, что в Харьков, а не в Мюнхен, ну да ладно. А за что мне такой подарок? До дня рождения вроде еще далеко...

– А ты пошевели мозгами, остряк, может, и сам догадаешься?

– Да что тут гадать? Просто моя рота единственная на весь батальон, в которой все еще есть ДВА офицера.

– Вот-вот. Все ты понимаешь, разгильдяй везучий.

– Но-но-но! Это все результат моего умелого командования и выдающихся лидерских способностей!

– Да иди ты, стратег недоделанный! – Вальтер беззлобно отмахнулся от весело скалящегося Ганса и спокойно закончил: – Оставишь свою роту на Ланга – пусть попрактикуется, пока все тихо. Возьмешь одного шарфюрера⁵ и дюжину солдат – поедете на «Блице»⁶ снабженцев. В Харькове заберете с ремзавода группы армий двух «шнауцеров»⁷, три броне-

⁵ *Шарфюрер* – звание в СС, соответствующее званию сержанта в Советской армии, в немецкой армии соответствует званию унтерфельдфебеля.

⁶ «Блиц» – и Opel «Blitz» – основной грузовик германской армии.

⁷ «Шнауцер» – легкий грузовик фирмы Kгирр, получивший свое прозвище за своеобразную форму капота. Использовался в вермахте и ваффен СС в качестве штатного тягача для легких артсистем.

вика, «ковшик»⁸ и девять мотоциклов. Заодно и запчастей кое-каких захватите и еще там по мелочи... Вот предписание. Три дня тебе на все, смотри не загуляй! Verstehen?⁹

– Jawohl! Я буду осторожен и бдителен как никогда!

– Иди уже.

– Погоди. Что там за ремзавод в Харькове объявился, а?

– Русский тракторный. Они его вывезти практически не успели – так, по мелочи кой-чего. Танковый увезли, хоть и не весь, а этот не успели. Ну, вот наши ремонтники там и обосновались. С других заводов еще оборудования подвезли, где что осталось. Ну и свое приволокли, конечно. Местных рабочих тоже запрягли – вот тебе и завод готовый, и от фронта недалеко.

– Да какой с него толк, с завода этого? Оборудование-то у них наверняка убогое, да и рабочие... – Ганс всем своим видом изобразил скептицизм.

– Дурак. – Бестманн сунул какую-то бумажку в ящик стола и спокойно продолжил: – Оборудование там новехонькое, потому что заводу этому еще и десяти лет нет. А строил его Форд, так что можешь считать этот завод не русским, а американским.

– Scheisse! И много у русских еще таких заводов?

– Хватает. Откуда, по-твоему, все эти кучи танков и прочей техники, что мы перебили по пути сюда? Не в колхозах же их наделали.

– Donnerwetter, не нравится мне это. Я-то думал, что у «иванов» остались одни бронетракторы, помнишь? А ты говоришь, что танковый завод эвакуировали – значит, скоро у них снова появятся танки!

Бестманн хмыкнул.

– Не переживай. Все не вывезли. Так что наделать оружия больше, чем было, русским вряд ли удастся. В Харькове расспросишь подробней – там был один из крупнейших промышленных районов советов. Все, вали отсюда, без тебя забот хватает.

Вот так оберштурмфюрер Нойнер и очутился в кабине грузовика, пробирающегося по разбитой дороге к первой столице Советской Украины.

Мотор уютно урчал, машину качало на ухабах, как пароход в пятибалльный шторм, солдаты и шарфюрер Реш из бронеразведывательной роты сидели в кузове, водитель из дивизионной колонны снабжения спокойно крутил баранку. Ганс дремал, надвинув на глаза кепи, которое носил вместо фуражки, с тех пор как получил зимнее обмундирование. Вокруг расстился монотонный пейзаж заснеженной степи, пересекаемый редкими лесополосами... Из сонной расслабленности Ганса вырвал голос шофера:

– Подъезжаем к Харькову, оберштурмфюрер. Вон и пост уже.

Ганс сдвинул на затылок кепи и бегло осмотрелся. Ага, ведущее от Чугуева шоссе здесь пересекало железнодорожное полотно. Железка пока еще не действовала, а будку железнодорожного переезда облюбовали фельджандармы, устроившие здесь натуральный укрепленный блокпост с баррикадой из мешков с землей или щебнем и русских противотанковых ежей, легким проволочным ограждением, небольшим прожектором и блиндированными огневыми точками. Один из постовых в советском караульном тулупе, с надетым поверх него жандармским горжетом, повелительно махнул рукой, указывая остановиться.

Когда «Опель» послушно тормознул по соседству с баррикадой, жандарм спокойно приблизился к грузовику, не убирая тем не менее руки с рукоятки повешенного на плечо МП, ствол которого постоянно был направлен на дверцу кабины. На машину также был нацелен ствол МГ-34 на универсальном станке-треноге, расположенного за укреплением.

⁸ «Ковшек» – имеется в виду легковой автомобиль фирмы Volkswagen – немецкий аналог американского «Виллиса». Свое прозвище получил за форму кузова. Также именовался «кюбельвагеном».

⁹ Понятно? (нем.).

Еще несколько фельджандармов с карабинами также были готовы поучаствовать в любой заварушке. Сурово!

Ганс, оценив приготовления «цепных псов», одобрительно кивнул своим мыслям и протянул подошедшему автоматчику с нашивками фельдфебеля выданное Бестманном предписание через опущенное окно. Тот, бегло изучив документ, вернул ему бумагу и несколько извиняющимся тоном проговорил:

– Все в порядке, герр оберштурмфюрер, но придется немного подождать – полчаса, не больше.

– Я не «герр». Просто «оберштурмфюрер» – у нас так принято. А из-за чего задержка?

– Колонна должна вскоре пройти, а шоссе узкое – чистить не успевают.

– Понял, камрад. Ладно, мы подождем.

Закрыв окно и повернувшись к водителю, Ганс бросил:

– Отгони машину на обочину, но мотор не глуши, а то замахаемся потом заводить.

Едва «Опель» послушно замер, приткнувшись сбоку к импровизированному защитному валу блокпоста, как Нойнер бодро выпрыгнул из машины и, грохнув пару раз кулаком по железному борту грузовика, проорал:

– Стоянка полчаса – всем выгрузиться и размяться!

После чего ловко взобрался на баррикаду и с интересом осмотрелся вокруг. «Тааак, заснеженные поля с торчащим пожелтевшим бурьяном, темная лента шоссе, небольшой лесок в отдалении, железнодорожная насыпь... А это еще что такое? – Ганс вскинул к глазам бинокль и быстро навел резкость. – Похоже на бронепоезд, только странный какой-то. И, что характерно, подозрительно знакомые очертания местами просматриваются». Спрыгнув с заграждения, Ганс подозвал к себе жандармского фельдфебеля и, небрежно махнув в сторону замеченного им странного объекта, поинтересовался:

– А что это за развалина там, на путях?

– Так бронепоезд русский. Разбитый.

Нойнер покачал головой и ухмыльнулся:

– Ага, бронепоезд, как же. Внукам своим на старости лет сказки такие рассказывать будешь. – Ганс, не оборачиваясь, ткнул рукой в сторону предмета обсуждения. – Вон та здоровенная зеленая штука, что валяется под насыпью, – это русский пятибашенный танк! Я на такие насмотрелся, когда мы «иванов» под Дубно давили.

– Ваша правда, герр... э-э-э, то есть просто оберштурмфюрер. Танк и есть. Только он не сам сюда приехал, его как раз на поезде привезли. Вот бронепоезд и получился.

– О как! – Ганс озадачился и даже в порыве задумчивости почесал затылок, сдвинув на лоб кепи. – И давно это было?

– Давно. Еще когда наши в Харьков входили. Вот тогда «иваны» эту зверюгу из города и выкатили. И прямо на мадьяр – они как раз город обходили...

– Откуда знаешь?

– Да мы как раз тут пост организовывали, когда к этому поезду трофейная команда приехала. Из мадьяр этих самых. А у них один по-немецки хорошо говорил, вот и рассказал, как дело было.

– Понятно.

Нойнер поправил висящий на плече МП, накинул на голову капюшон и сунул руки в тонких перчатках в карманы, чтоб не мерзли. После чего повернулся к своей команде, затеявшей какую-то возню возле тихо урчащего «Опеля»:

– Эй, Отто, остаешься за старшего. Я пройду немного вдоль железки. Никому не разбредаться – скоро поедem дальше.

Реш вскинул руку:

– Все будет в порядке, оберштурмфюрер.

Кивнув в ответ, Ганс забрался на железнодорожную насыпь, где снега было поменьше, и бодро направился к заинтересовавшим его обломкам импровизированного бронепоезда – с таким ему сталкиваться еще не приходилось, а знания о противнике никогда не бывают лишними.

* * *

На этот раз противник и впрямь попался интересный.

Бывший бронепоезд состоял из блиндированного паровоза и двух боевых площадок. Сзади, за тендером, был прицеплен пулеметный вагон, сделанный из полувагона с двойными бортами, между которыми был насыпан щебень. Но главным элементом этого состава был поставленный перед паровозом здоровенный восьмиосный железнодорожный транспортер, на котором был водружен пятибашенный танк.

Так поезд выглядел раньше. Теперь же Ганс наблюдал настоящую мешанину из развороченного железа, присыпанную углем и щебенкой. Паровоз был раскурочен прямым попаданием бомбы, платформа сброшена с насыпи, стоявший на ней танк опрокинут (часть башен при этом отвалились и теперь валялись отдельно от корпуса). Относительно целым остался только пулеметный вагон, хотя и ему тоже досталось.

Осмотрев обломки внимательней, Ганс более-менее точно восстановил картину давнего боя: выехавший из города бронепоезд обстрелял мадьяр на шоссе сперва во фланг, а затем и продольным огнем. И, видимо, неслабо их прижал – местность ровная, укрыться особо негде, а танковые башни так просто не заткнешь. Венгры пытались отбиваться, судя по отметинам на броне, скорее всего, из противотанковых ружей («Солотурн» или как там их колупалки называются?), но у них ничего не вышло. А потом подоспела авиация... Судя по количеству воронок, здесь поработала целая эскадрилья «штурк» – повезло мадьярам. Мнда.

Обойдя обломки еще раз, Нойнер наткнулся на могилу, которую отмечал аккуратный березовый крест. Выполненная на немецком надпись на приколоченной к кресту дощечке, гласила: гауптманн¹⁰ Макс Александр Хальсен 1914–1941. Прочитав написанное, Ганс аккуратно стащил с головы капюшон и снял кепи, отдавая последние почести погибшему соратнику. Задумчиво комкая в руках головной убор, он размышлял о превратностях судьбы, приведших к гибели соотечественника в бою между русскими и мадьярами за тысячу километров от границ Германии. Кем был этот погибший гауптманн и как очутился здесь во время боя? Может, он был офицером связи или наводчиком люфтваффе, прикомандированным к союзным венграм? А может, командовал какой-то приданной мадьярам немецкой частью? Кто знает, да и какая теперь разница?

Продолжая обдумывать вероятные пути, приведшие злополучного гауптманна к его последнему пристанищу, Ганс нацепил на голову кепи и отправился в обратный путь. К поезду он прибыл почти одновременно с двигавшейся из Харькова колонной бензовозов. Терпеливо дождавшись, когда командир фельджандармов закончит проверку документов и даст колонне отмашку на продолжение движения, Ганс надел на давешнего фельдфебеля.

– Интересная история с этим бронепоездом получается. Не расскажешь, что там мадьяры навоевали?

– Да что рассказывать? Мадьяры из подвижного корпуса город обходили как раз. А тут прямо из города выезжает это страшилище и давай по ним гвоздить. Союзничкам кисло пришлось – не смогли они этот танк ничем проковырять, хотя паровоз и повредили... Ну вот, а потом «штуки» прилетели и превратили этот поезд в металлолом. Вот и весь бой, собственно.

¹⁰ *Гауптманн* – звание в вермахте, соответствует капитану в Советской армии.

– Это я и сам понял. Там, рядом с обломками, могила есть. Гауптманн Хальсен – из наших. Как он-то тут очутился а?

– А, это. – Лицо фельдфебеля стало задумчивым. – Это не из наших. Ну, то есть он немец, конечно, но не из вермахта. В общем, это он этим поездом командовал.

– Это как? – Ганс таким внезапным поворотом был озадачен. Мягко говоря.

– Ну, он из Красной армии. Наверное, командовал этим танком. А когда танк поломался, придумал поставить его на платформу и сделать бронепоезд. Я сам из Гамбурга, до войны на заводе работал. «Блом унд Фосс», слышали?

– Угу.

– Ну вот. У нас там тоже такие транспортеры были – специальные, для крупных деталей. Видать, и этот гауптманн здесь в Харькове такой раздобыл и такое вот дело соорудил, чтобы, значит, танк свой не бросать.

– Вот, значит, как...

– Ну да. Когда танк перевернулся, он из него сам вылезти сумел, но почти сразу помер, рядом с танком своим. Видать, сильно его переломало. Мы его там же и похоронили. – Тут фельдфебель замолчал и, внимательно взглянув на задумавшегося оберштурмфюрера, на всякий случай уточнил:

– Лейтенант наш приказал. Сказал, что такого врага надо уважать.

– А имя как узнали?

– Так у него медальон на шее был, черный такой, с запиской. А в записке надпись на двух языках. Что там по-русски – не знаю, а по-немецки как раз то, что сейчас на кресте написано. Наверное, и на русском то же самое было.

– Наверное. – Ганс задумчиво погладил подбородок, проводил взглядом последнюю машину проезжающей мимо колонны и, наконец, изрек:

– Знаешь, камрад, я за последние три года почти всю Европу изъездил и повстречал немало фольксдойче. Я с ними разговаривал, сидел с ними за одним столом, ночевал в их домах и гулял на их праздниках. И всегда считал, что наш фюрер был прав, когда говорил, что все немцы должны жить в одном государстве. Но только сейчас я понял: НАСКОЛЬКО наш фюрер был прав. Этот гауптманн... он не должен был погибнуть за чужое государство, враждебное Германии, сражаясь против своих соплеменников. Так не должно быть! И мы должны сделать так, чтобы такое больше не повторилось. Немцы, все немцы, должны обрести свою родину, чтобы им никогда не пришлось сражаться за чужую.

Произнеся эту тираду, Нойнер вздохнул, обернулся к своей команде, увлеченно перебрасывающейся снежками, и как ни в чем не бывало рявкнул:

– Хорош дурью маяться! По местам! – Уже вскакивая в кабину «Блица», махнул на прощание рукой жандармскому фельдфебелю. – Бывай, камрад!

Вскоре железнодорожный переезд, обломки бронепоезда и могила поволжского немца, отдавшего жизнь за Советский Союз, остались позади громящего на ухабах «Опеля». Впереди был Харьков, а вместе с ним кое-какие нехитрые солдатские развлечения и много рутинной работы, которую никто не отменял.

* * *

Пока Ганс удалялся от войны с ее тревогами и опасностями, Роман, наоборот, приближался к ней, хотя и достаточно извилистым маршрутом.

После выписки из госпиталя Марченко, к его несказанному удивлению, направили не на фронт, а в глубокий тыл – на средний Урал. Там, в маленьком провинциальном городке Камышилов Свердловской области, как раз формировалась новая стрелковая бригада, и Рома оказался среди тех, кто был в нее зачислен.